

Моя автобиография

МОИ РОДИТЕЛИ

Человек еще не родился, а судьба уже ждет его на пороге вновь нарождающейся жизни. Справедливо изречение «От судьбы своей не уйдешь». Она делит с человеком все тяготы и радости его земной жизни, живет и умирает вместе с ним. У людей стопроцентная смертность. Моя судьба распорядилась так, что я родился 1 октября 1927 года далеко от родины моих предков в городе Ташкенте Узбекской ССР. Как случилось, что я, русский, сын уроженцев Калужской губернии, с первых минут рождения оказался среди людей другой национальности и вероисповедания?

Моя мама Татьяна Николаевна, урожденная Волкова, родилась 25 января 1898 года в селе Тениковка Мосальского уезда Калужской губернии. Отец, Павел Васильевич Гаврюшкин, родился 12 июня 1900 года в деревне Фурсово Богоявленской волости того же уезда. Их деревни находились недалеко друг от друга, и их брак дьячок зарегистрировал в скромной деревенской церквушке.

Отец работал каменщиком, был задиристого, драчливого характера, в деревне его боялись, за что он получил прозвище «Стеклик». Почему «Стеклик» – неизвестно. Мой дедушка по отцу Василий имел странное по тем временам увлечение. Уходя на заработки в ближайший районный город, приносил оттуда множество всевозможных вещей и черепков и любовно раскладывал эти «экспонаты» на широкой полке в отведенном месте на одной из стен деревянной избы. А вот тяга к писательству, вероятно, идет по линии мамы. Ее племянник Павел уже в наше время работал в одной из районных газет в Подмосковье.

Моя сестра Павлина окончила Московский институт дошкольного воспитания им. В. И. Ленина и, выйдя замуж за инженера одного из столичных НИИ Сапожникова Владимира, осталась на жительство в Москве. Его дядя – Сапожников Федор Васильевич – заместитель министра энергетики СССР. В Таганроге у сестры, куда она приезжала на время родов, родился сын Николай. Впоследствии он окончил исторический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска», последнее время работал главным археологом в Центральных научно–реставрационных мастерских Министерства культуры Российской Федерации. Работая над докторской диссертацией, неожиданно в возрасте 46 лет скоропостижно скончался от инфаркта. На год раньше его мама Павлина Павловна, урожденная Гаврюшкина, попала в автомобильную катастрофу и погибла в 1994 году.

В октябре 1917 г. случилась Великая Октябрьская революция, и отца, девятнадцатилетнего паренька, имеющего всего три класса сельской школы, мобилизовали в Красную Армию. Здесь, для полноты картины, привожу его краткий послужной список.

«Сентябрь 1919 года. Рядовой 121-го пехотного полка пехотной дивизии.

Март 1920 года. Рядовой 65 кавалерийского полка 11 кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии.

Июль 1921 года. Курсант дивизионной школы я Нижнеднепровске.

Январь 1927 года. Слушатель повторных могилевских Курсов, затем командир взвода 64-го Кавполка, помощник командира 2-го эскадрона.

С 1925 по 1928 год курсант Объединенной Средне-Азиатской школы им. В.И. Ленина в городе Ташкенте, где я и родился 1 октября 1927 года.

После окончания курсов служил помощником командира эскадрона 19-й стрелковой дивизии. В составе 65 кавалерийского полка участвовал в боевых действиях против Деникина, Врангеля, поляков, банд Махно, против басмачества на Туркестанском фронте, против банд Джунаид-Хана в Хорезме. Имеет два ранения, в частности, 5 июля 1920 года под Дубно.

Приказом РВС СССР № 160 от 16 октября 1923 года за бои у городов Дубно и Острога награжден боевым орденом Красного Знамени за № 8805. Приказ о награждении подписали член РВС СССР Уншлихт и главком С. Каменев».

В 1931 году отца демобилизовали и направили на работу в город Таганрог в органы милиции, где он был командиром 7-го таганрогского дивизиона, затем заместителем начальника горотдела милиции. Избирался депутатом горсовета 15-го созыва по 76 избирательному округу.

ВОЙНА

С первых дней Великой Отечественной войны отца призвали в армию, где он воевал в составе 191 кавалерийского полка 68 дивизии. 17 января 1942 года на имя мамы в город Уральск Западно-Казахстанской области, где мы находились в эвакуации, пришла похоронка: «Ваш муж Гаврюшкин Павел Васильевич, старший лейтенант, командир эскадрона в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество был убит 7 декабря 1941 года в Ростовской области, хутор Демидовка, похоронен в Ростовской области, хутор Щепкино». В конце извещения стоят соответствующие подписи и печать. Прошли десятилетия, а эти несколько печальных строк из «похоронок» всегда вызывают у миллионов советских людей слезы скорби. В 1941 году вся наша семья в составе мамы, сестры Павлины, 1926 года рождения, и меня эвакуировалась в город Уральск Западно-Казахстанской области. Отчетливо запомнил, как на станции Лихая, где была пересадка, на железнодорожной платформе собралась огромная толпа отъезжающих. Ждали долго и, когда наконец подошел наш поезд, люди, подхватив свои объемистые узлы и чемоданы, не соблюдая никаких правил приличия, ринулись на abordаж вагонов. Отчетливо запомнил высокого старика-еврея с двумя огромными чемоданами в руках, пытавшегося не отставать от других. Он вдруг упал и остался лежать неподвижным. Уже в вагоне все узнали, что у старика не выдержало сердце и он скончался на месте.

Что же творилось в это время в вагонах поезда? Втиснув свои узлы и чемоданы, люди с трудом возвращались на перрон за оставшимися и, когда наконец посадка закончилась и поезд плавно отошел от перрона, оказалось, что проходы всех вагонов почти на высоту человеческого роста забиты чемоданами, узлами и другими вещами, Уже в пути стали опознавать и не спеша разбирать свои вещи.

Далее от Сталинграда по реке две спаренные баржи тянули нас до Камышина, а оттуда уже по железной дороге до города Уральска, конечного пункта нашего пути.

От вокзала до будущего места нашего проживания (ул. Димитрова, 62) нас на санях, важно ступая и с гордо поднятой головой, доставил верблюд. Других средств передвижения в городе не было. Численность этого небольшого городка, стоявшего на излучине реки Урал, не превышала пятидесяти тысяч человек. Температура воздуха в зимние месяцы достигала до 40 градусов.

Хозяйкой дома оказалась приветливая молодая женщина по фамилии, если не ошибаюсь, Погорелова, муж которой находился на фронте. У нее были две девочки, младшую звали Нюсей. Сначала я учился в школе, затем, когда немцы подошли к Сталинграду, все школы закрыли, а нас, мальчиков и девочек, использовали на бескрайних казахских степях на прополке сорняков и на лесозаготовках, где в нашу обязанность, как мальчиков, так и девочек, входила обрубка ветвей поваленных деревьев, их распиловка и доставка волоком к берегу реки Урал, откуда их уже сплавляли до места назначения.

Помню одну девочку с усохшей от рождения маленькой ручкой, всегда стыдливо прикрытой накинутой на плечи кофточкой. Как-то ветер приоткрыл ее, и она, заметив, что я увидел ее искалеченную руку, ужасно смутилась и покраснела. Бедняжка. Все работали на Победу.

После закрытия всех общеобразовательных школ, когда немцы подошли к Сталинграду, меня определили на эвакуированный из Ленинграда военный завод N 231, специализировавшийся на изготовлении морских мин и торпед. Работали по 12 часов в сутки с двумя выходными днями в месяц. В эту пору мне исполнилось 15 лет. Электросваркой я «заваривал»

свищи в чугунных отливках. Цех был полуосвещен и наполнен испарениями от груды горячей формовочной земли, без всякой вытяжной вентиляции. В обед всех рабочих бесплатно кормили «от пуза» какой-нибудь кашей, чаще всего пшенной, обильно сдобренной маслом.

Затем меня перевели в другой цех, который находился в Загоне, в нескольких километрах от города на берегу реки Урал. Здесь я получил 3-й разряд слесаря по ремонту станочного оборудования и этим чрезвычайно гордился. Меня прикрепили к одному молодому рабочему, прихрамывающему на одну ногу. Спокойно и терпеливо он обучал меня своему ремеслу. Имя его я не запомнил, ведь с того времени прошло шестьдесят лет.

Затон находился от города на расстоянии нескольких километров, и мне изо дня в день приходилось из дома и обратно пешком преодолевать это расстояние по совершенно безлюдной степи, распугивая многочисленных сусликов и каких-то маленьких пушистых зверьков.

Наша семья жила на зарплату мамы, которая работала в цехе Индпошива по производству полушубков для фронта, Сестра Павлина продолжала посещать музыкальную школу.

Как только появилось сообщение Советского Информбюро, мы немедленно стали собираться в дорогу. Домой добирались в товарных вагонах – «теплушках» и особенно большие неудобства испытывали от отсутствия туалетов, ведь в одном вагоне прямо на деревянном полу, присыпанном соломой, вповалку лежали взрослые и дети, мужчины и женщины. Выбегая из вагонов на остановках, тут же «делали свое дело». Как-то утром я проснулся от крика, когда одна женщина громко возмущалась, что ночью ее кастрюльку кто-то использовал вместо туалета. В пути голодали, и в Таганрог я приехал с опухшими ногами.

Наша квартира по переулку Антона Глушко, 27, где мы раньше жили, была занята семьей военного и мы временно поселились в дворовом флигеле соседнего домовладения под номером 29. Нас приютила Мария Логиновна Попова, чья дочь Нина была угнана немцами в Германию, а сын Виталий был моим другом еще в довоенное время. Впоследствии моя мама у Евдокии Косаревой купила квартиру в доме на улице Фрунзе, 28, где я и прожил всю свою оставшуюся жизнь, не считая тех нескольких лет, когда по окончании техникума «отрабатывал» положенный срок в других городах, но об этом позже.

Здесь я хочу рассказать об одном удивительном и правдоподобном случае, когда во время эвакуации мы проживали в городе Уральске. Как-то зимним поздним вечером мы с сестрой Павлиной вышли во двор, где на безоблачном небе полная луна своим ярким светом заливала всю окрестность. Туалет находился в правом дальнем углу двора, слева по пути стояла летняя кухня, в которой зимой никто не жил и она была заперта. Когда мы проходили мимо нее на расстоянии нескольких шагов, вдруг неожиданно послышался едва слышный короткий стук и в окне кухни на мгновение промелькнуло плохо различимое бледное лицо. Нас это чрезвычайно напугало, мы переглянулись, но промолчали, сделав вид, что ничего не произошло, ведь если бы мы своим видом показали, что что-то слышали и видели, мы бросились бы бежать. Только зайдя в дом мы признались, что в окне видели бледное лицо своего отца.

Только сейчас, по прошествии многих десятилетий, проанализировав этот удивительный случай, я однозначно пришел к выводу, что он был вещим и вполне вероятно, что именно в этот день, час и даже мгновение, падая от разрыва вражеского снаряда или немецкой пули, отец вспомнил о нас. Я в этом глубоко убежден. Напоминаю, что согласно официального письменного сообщения – «похоронки» отец был убит зимой 7 декабря 1941 года. Прошел всю гражданскую войну, а тут вероятно погиб в первом же бою.

МОЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вернувшись в Таганрог из эвакуации, по желанию мамы я поступил в строительный техникум, который закончил в 1947 году по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий» и по распределению был направлен в распоряжение монтажного треста «Кавэлектромонтаж». Вся моя дальнейшая жизнь в течение последующих нескольких лет была связана с разъездами далеко от родительского дома. Я побывал в городе Новороссийске, где работал на восстановлении цементных заводов «Октябрь» и «Пролетарий». Здесь же

встретил постановление Правительства об отмене карточной системы и видел, какие столпотворения и какие массы народа в эти первые дни штурмовали хлебные магазины. Побывал на Малой земле, любовался Колдун–горой, испытал силу новороссийских ветров – «бора».

В 1948 г оду был откомандирован в город Новочеркасск, где в должности заведующего мастерской проработал шесть месяцев, а затем был направлен в Кисловодск, где, в основном, велись работы по электрооборудованию санаториев. Хорошее воспоминание оставил о себе начальник участка по фамилии Миленкий. Он был общительным, небольшого роста и по своему характеру оправдывал свою фамилию.

Затем работа в той же системе «Кавэлектромонтаж», но в городе Сочи, где начальником участка был интеллигентный, с красивой и благородной внешностью еврей Грушевский. Был тогда я молод, посещал танцевальные вечера и даже в одном из клубов в районе Театральной площади организовал танцы, где источником танцевальной музыки был собранный мною усилитель со смехотворной мощностью всего 3 ватта. Когда танец еще только начинался, этой небольшой мощности хватало, когда же в танец вступали все новые и новые пары, танцевали уже под звуки шарканья подошв своих же туфель и ботинок. И ничего, никто не жаловался и все были довольны. А на одном из Новогодних вечеров в паре с молоденькой артисткой ростовской оперетты за исполнение вальса мы заняли первое место и получили приз – бутылку шампанского. Как сейчас помню этот большой округлый зал с белоснежными колоннами.

Проживал я на маленькой узкой улочке, кажется, под названием Пионерская, той, где в самом ее начале находился дом–музей писателя Николая Островского. Тут же, недалеко от этого места, однажды присутствовал при съемке эпизода из кинофильма «Семеро смелых».

Затем все лето проработал на озере Рица, где поперек реки Рица стояло длинное, окрашенное в синий цвет здание гостиницы, в котором велись работы по электрооборудованию. На левом берегу озера, если смотреть со стороны гостиницы, виднелся Охотничий домик, а на противоположной стороне озера против здания гостиницы – дача Сталина. Сейчас не помню, было там электричество или просто оно было нарушено, но на тот момент его там не было.

И вдруг сообщение – «Сталин едет». Что тут только началось! Мгновенно в озеро стали сваливать строительный мусор, полетели бочки из–под масла, другие отходы. Все скребли, мыли, вычищали. И тут вдруг вспомнили – «Электричества на даче нет». Нашли самый простой способ, как выйти из этого щекотливого положения. От подстанции, которая находилась в непосредственной близости от здания гостиницы, провода за какие-то два дня уложили на изоляторы, укрепленные на стволах деревьев, растущих на склоне горы. Здесь вспугнули убегающую от нас дикую козу.

Па даче нас встретил молоденький младший лейтенант. Домик был небольшой, одноэтажный, деревянный. Видел там и около метра длинной, с желтоватым оттенком змею, правда мертвую. Сталин так и не появился, но как-то однажды в сторону его дачи проследовал лимузин, в котором, как говорили, ехал или сам Буденный, или Ворошилов, сейчас этого не помню.

Последней моей работой в системе «Кавэлектромонтаж» был Садонский участок, управление которого находилось в городе Дзауджикау (Орджоникидзе) Северо-Осетинской АССР. Чтобы добраться до нового места работы, пришлось на автомашине проехать Алагир, затем по узкому ущелью вдоль реки Ардон и, минуя селения Мизур, Садон, Нижний Згит, добраться до Буруна. Автомобильная дорога все время петляла по пробитой в склонах горы дороге без всяких ограждений, хотя справа по пути следования имелись глубокие пропасти, где не раз видел разбитые, искалеченные машины. В попутных селениях попадались старинные высокие каменные сторожевые башни, в сечении прямоугольные.

Поселок Бурун, конечный пункт нашего пути, имел всего несколько деревянных строений, находился совсем недалеко от входа в Цейсковское ущелье, где, как говорили, находится «Сванетия – страна чудес».

Пробыл я там совсем недолго, с мая 1951 года по февраль 1952 года. Работа здесь велась в основном по прокладке шестикиловольтных линий электропередач, и именно здесь

закончился мой положенный срок по отработке после окончания техникума и я вернулся в Таганрог, где поступил на предприятие почтовый ящик номер 59, впоследствии завод имени Сталина. Отсюда, проработав 35 лет в отделе главного энергетика, будучи начальником бюро планово-предупредительного ремонта энергетического оборудования, ушел на пенсию.

Был активным рационализатором, с отличием окончил заочный Ростовский институт патентования. Постановлением Президиума Центрального Совета Общества изобретателей и рационализаторов

18 сентября 1965 года за активную изобретательскую и рационализаторскую работу и внесение личного вклада в совершенствование производства был награжден Почетной грамотой. Неоднократно руководителями завода награждался грамотами за активное участие в работе заводского Совета ВОИР, достижение высоких показателей, за активное участие в работе Научно-технического общества, за умелое сочетание работы с учебой в Ростовском институте патентования. Избирался народным заседателем (судья Ю. Цирульский).

Кроме того, еще в 1957 году Ростовским учебным центром Всесоюзного Ордена Красного знамени добровольного Общества содействия Армии, Aviации и Флоту за отличные показатели в военной подготовке был награжден грамотой. Имею медаль «Ветеран труда».

Являлся членом заводской квалификационной комиссии по присвоению разрядов и в течение многих лет занимался с молодыми рабочими по освоению ими профессии машинистов электромостовых кранов, подготовив 1080 человек.

На своем примере показал, как теперь всех нас, отдавших заводу всю свою сознательную жизнь, повесив на воротах большой амбарный замок, на территорию завода приказали «не пущать», акции обесценили, дивиденды забрали и, построив православную церковь, заявили «Молитесь на нас».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Окончен многолетний и трудоемкий процесс по написанию моих шести книг по истории города Таганрога: «Гуляет старый Таганрог», «Отблески золотых куполов», «Вдоль по Питерской», «Мари Вальяно и другие», «По старой Греческой» и «Из прошлого старого Таганрога». Появлению каждой новой книги предшествовала увлекательная и длительная работа, которую условно можно разделить на четыре временных отрезка: поиск и тематический подбор материала, черновые наброски текстовой части, работа на пишущей машинке и, наконец, издание книг. Много времени так же занимал подбор иллюстраций, их обработка, репродуцирование и фотографирование объектов.

Какими же первоисточниками пользовался автор, чтобы собрать обширный материал? Только ли теми, которые находятся в нашем городе и Ростове-на-Дону, которыми я воспользовался не в полной мере, о чем сейчас глубоко сожалею. Еще в советское время я активно работал с библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, сотрудники которой по почте пересылали мне многочисленные микрофильмы. Тогда все это стоило копейки. А вот с сотрудниками Государственной библиотеки им. Ленина в Москве в течение более десяти лет имел личный контакт. Помогло мне то, что моя сестра Павлина проживала в Москве в районе станции метро «Новогиреево».

Каждое утро, изо дня в день, с двумя-тремя шоколадными конфетами в кармане, что составляло мой дневной пищевой рацион, со станции метро «Новогиреево» через всю Москву добирался до станции «Речной вокзал» и уже на автобусе, кажется, номер 373 добирался до подмосковного города Химки, где на Библиотечной улице располагался филиал газетного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Меня там уже хорошо знали и даже однажды общими усилиями прилаживали отскочившую дужку моих очков. Как-то я попытался этим милым женщинам преподнести коробку дорогих шоколадных конфет и был посрамлен и сконфужен отказом, услышав в ответ: «Мы здесь исполняем обычную работу и получаем за это зарплату».

Здесь я просмотрел все имеющиеся в наличии подшивки издававшихся в дореволюционном Таганроге газет за период 1865-1918 годы, что по объему составило несколько исписанных общих тетрадей по 96 страниц каждая. Уже вернувшись в Таганрог, эти черновые

записи привел в порядок и отпечатал на пишущей машинке «UNIS» (Югославия), на которой я всегда работал, сброшюровал их, что составило несколько объемных книг.

Благодаря доброжелательному участию заведующей таганрогским отделением ЗАГСа Надежды Александровны Шпачук просмотрел мною метрических книг дореволюционного Таганрога, которые на протяжении многих лет вели церковнослужители, систематизировал их и, предварительно отпечатав на пишущей машинке, сброшюровал в книги, что составило более одной тысячи страниц.

Много времени провел в городском архиве, где в отборе материалов мне помогала его заведующая Людмила Евдокимовна Омельянюк. Богатый материал собрал в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике, где заведующей отделом была Светлана Петровна Тартанова, по выходе ее на пенсию – Нина Ивановна Серебряная. Здесь же в подборе материала мне оказывали помощь Лидия Михайловна Топтунова, Лада Ивановна Сергеева и Елена Григорьевна Покатилова.

Очень помогла мне семья Орешко: Раиса Константиновна, на руках которой скончался Павел Петрович Филевский, и двое ее дочерей Ольга Федоровна и Вера Федоровна, предоставившие в мое распоряжение «Дневник» и «Записки», в течение всей своей жизни писавшиеся П.Н. Филевским. По своему объему это составляет 920 страниц убористого текста. Охотно делились своими воспоминаниями мои друзья, знакомые, случайные люди. Всем выношу глубокую благодарность.

Как таковая общая история меня никогда не интересовала, а вот старинные таганрогские улочки с пожелтевшими от времени стенами домов, покосившимися и полуразрушенными заборами и вычурными каменными стойками ворот, почти исчезнувшими каменными рекламными тумбами, остатками булыжной мостовой и прочими атрибутами далекой старины, включая довоенный период, никогда не оставляли меня равнодушным. Люблю после захода солнца, с наступлением сумерек бродить по притихшим улочкам и переулкам, останавливаться у каждого старинного здания и, глядя на их окна, в которых зажигаются огни и начинают неслышно двигаться таинственные тени, представлять, какие события происходили за этими толстыми стенами в разные периоды жизни и судьбу тех, которые здесь проживали. Сколько окон, столько и человеческих судеб.

С редакцией газеты «Таганрогская правда» стал работать с начала 1990-х годов, опубликовав на страницах этой газеты около ста очерков. Сотрудничал

также с газетами «Таганрогский вестник», «Город», «Эхо недели», «Городская площадь», «Православный Таганрог». В январе 1996 года при редакции газеты «Таганрогская правда» стал одним из лауреатов премии имени писателя И. Д. Василенко (вторая премия). Имею также наградные грамоты, свидетельства, дипломы от городской администрации и области.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Затраты на издание книг за последние пять лет увеличились в десять раз. Если в 1997 году стоимость издания одного экземпляра книги «Гуляет старый Таганрог» обошлась в десять рублей, то в 2002 году книгу «Мари Вальяно и другие» оценили уже в 80 рублей, а последующую «По старой Греческой» – в сто рублей. Кошмар! И это еще не предел, ведь существуют еще торговые надбавки на продажу, доходящие до 30%.

Как удалось при таких драконовских ценах издать несколько моих книг? В издании первой книги «Гуляет старый Таганрог» активное участие принимал директор пивоваренного завода Николай Николаевич Зубков, который полностью финансировал издание. При тираже в 3000 экземпляров большая часть тиража была передана им в распоряжение городской администрации. Имя Николая Николаевича Зубкова должно быть вписано в Золотую книгу истории нашего города. Издателем моей первой книги «Гуляет старый Таганрог» стал директор Международного института повышения квалификации китайской медицины Михаил Юрьевич Руденко. Он ознакомил меня с азами издательского дела и в дальнейшем всегда оказывал всевозможную помощь как советами, так и делами.

Издание последующих книг других наименований осуществлялось уже за счет личных сбережений автора, доходов от продажи уже изданных книг, за счет продажи «ненужных» личных вещей, за счет собственного желудка и взноса в десять тысяч рублей от спонсора, пожелавшего остаться неизвестным.

Денег все равно не хватало и за помощью, скрепя сердце, пришлось обратиться к спонсорам-крезам, с которыми лично знаком не был и разговоры вел через посредников. Пустые хлопоты. Отказали так же два крупных коммерческих банка, куда я обратился лично: «Русславбанк» и «Российский кредит».

Количество написанных мною книг увеличивалось, а времени на их издание становилось все меньше и меньше. Оставалась последняя надежда – помощь городской администрации, но... увы! Сначала я обратился к господину С. И.

Шило, изложив просьбу в короткой записке, которую вложил в одну из подаренных ему книг:

«Сергей Иванович! Это третья книга из шести, написанных мною. Три последующие «Мари Вальяно и другие», «По старой Греческой» и «По страницам таганрогских газет» также закончены и ждут своей очереди быть изданными. Все они, как мне думается, крайне необходимы не только городу, но и школам.

Денег на их издание у автора, естественно, нет, нет их и у администрации города. Где же выход? В городе много состоятельных людей, среди которых и тех, которые положительно относятся к истории Таганрога. Вы знакомы со всеми из них и у Вас есть возможность поговорить с ними.

Мне кажется, что многие из них заинтересуются и будут рады помочь автору, юроду и себе в пользу.

12 сентября 2000 года во Дворце Алфераки Вы сказали: *«Вступая в 21 век, Таганрог должен взять все лучшее из истории города».* Думаю, что мои книги в этом помогут Октябрь 2000 года».

Ни ответа, ни привета. Какое барское отношение к своим обязанностям, унижающее достоинство своих избирателей. Уже значительно позднее я отправил отдельные письма с одним и тем же текстом главе администрации Н.Д. Федянину и председателю городской Думы Ю.В. Стефанову. Результат оказался тот же – ответа не последовало. Вот текст этого письма-просьбы:

«Не каждый город может похвастаться, что его история достаточно полно отображена в литературных трудах. Это относится и к нашему городу – имеется лишь одна книга нашего замечательного историка Павла Петровича Филевского, изданная в 1898 году под названием «История города Таганрога». Содержит 380 страниц и ни одной фотографии. В течение многих лет я скрупулезно собирал сведения о прошлом нашего города в библиотеках и архивах городов Ленинграда, Москвы, Ростова, Таганрога и даже Киева, на основании которых написал шесть книг: «Гуляет старый Таганрог» – 282 страницы, «Отблески золотых куполов» – 282 страницы, «Вдоль по Питерской» – 436 страниц, «Мари Вальяно и другие» – 544 страницы, «По старой Греческой» – 520 страниц, «Из прошлого старого Таганрога» – 400 страниц (условно). Все книги богато иллюстрированы фотографиями, число которых превышает 1500 единиц.

Из трех изданных книг (на тот период) лишь «Гуляет старый Таганрог» финансировалась директором пивоваренного завода Н.Н. Зубковым. Честь ему и хвала. Как удалось издать еще две книги, не буду писать, но нахожусь в удручающем материальном положении и средств на издание оставшихся книг у меня, естественно, нет.

Учитывая изложенное, убедительно прошу, к чему присоединяются многочисленные жители города, изыскать возможность и оказать посильную помощь в издании оставшихся неизданными двух моих книг, ведь издание одной книги при тираже в 1000 экземпляров обходится уже в 100 тысяч рублей. Буду рад любой сумме и ваши имена будут достойно оценены потомками.

Мне 74 года и времени на издание оставшихся двух моих книг остается все меньше и меньше.

*С уважением О. Гаврюшкин.
«20 декабря 2001 года».*

Результат тот же. Глубокое молчание, что недостойно руководителей такого ранга. А что значат какие-то 10–20 тысяч рублей в многомиллионном годовом бюджете города? Урезать каждую из многотысячных статей всего на сотню-другую и вопрос был бы решен.

Гаврюшкин О. П. Таганрог; 2002 г.

ЦГТБ имени А.П. Чехова